

ШПЕНГЛЕРОВСКИЙ РЕНЕССАНС И КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Я. А. ЯГЕЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Немецкий философ О. Шпенглер остается неоднозначной фигурой в научном сообществе. До сих пор сохраняется вариативность в восприятии его творчества, в том числе концепции морфологии мировой истории. Представлена реконструкция данной концепции с учетом ее основных смысловых акцентаций, необычного стиля и дивергенции в ее оценках. Рассмотрен и утвержден феномен шпенглеровского ренессанса. Особый интерес вызывает возрождение мыслей немецкого философа в новом междисциплинарном направлении историко-социальных и глобальных исследований – глобальной истории. Предпринята попытка репрезентативно представить понятие «глобальная история». Отмечены методологические и концептуальные особенности нового направления, а также выявлена его методологическая корреляция с макроисторической концепцией Шпенглера. Утверждена и обоснована актуализация концепции морфологии мировой истории в рамках глобальной истории, что позволяет говорить о ее потенциале в данном исследовательском направлении.

Ключевые слова: глобальная история; мировая история; цивилизация; шпенглеровский ренессанс; О. Шпенглер; концепция морфологии мировой истории; «Закат Европы».

SPENGLER RENAISSANCE AND THE CONCEPT OF GLOBAL HISTORY

Ya. A. YAHELA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

German philosopher O. Spengler remains an ambiguous figure in the academic community. There is still great divergence in the perception of his work, including his concept of the «morphology of world history». The article presents a reconstruction of the concept taking into account its main meaning and implications, unusual style and substantial variations in its assessment. It is claimed that a Spengler renaissance is currently taking place. Of particular interest is the revival of the German philosopher's thoughts in a new interdisciplinary field of sociohistorical and global studies – global history. The article attempts to properly present the concept of «global history» noting its methodological and conceptual features as well as its methodological correlation with O. Spengler's «morphology of world history». It is asserted that the German philosopher's concept is actualised within the framework of global history, which indicates that it may have potential in this new field of study.

Keywords: global history; world history; civilisation; Spengler renaissance; O. Spengler; concept of world history morphology; «The decline of the West».

Образец цитирования:

Ягело ЯА. Шпенглеровский ренессанс и концепция глобальной истории. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:47–58. EDN: OADEYB

For citation:

Yahela YaA. Spengler renaissance and the concept of global history. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:47–58. Russian. EDN: OADEYB

Автор:

Яна Александровна Ягело – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Yana A. Yahela, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
yana.krupenia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-6848-8730>

Введение

Современный мир характеризуется перманентной транзитивностью, нестабильностью и кризисным состоянием всех сфер жизни. Процессы глобализации фундаментально меняют современный миропорядок. Человек оказывается потерянным в водовороте событий и информации, он не способен целостно осмыслить происходящее вокруг, утратив былые мировоззренческие ориентиры. В начале XX в. человечество переживало схожий по своему отрицательному воздействию переломный этап. В то время в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, выходит в свет двухтомный труд никому не известного бывшего преподавателя О. Шпенглера «Закат Европы» [1; 2]. Эта работа содержит оригинальную макроисторическую концепцию, оказавшуюся весьма своевременной. Явившись следствием кризисного состояния, написанный труд смог дать ответы на наиболее острые вопросы. Он обрел моментальную популярность, став по меркам тех времен бестселлером. Однако работа была воспринята неоднозначно, академические круги отреагировали весьма холодно. На протяжении десятилетий дискуссии о данной книге то возобновлялись, то вновь затихали. В XXI в. возродился небывалый интерес к творчеству О. Шпенглера. Труд «Закат Европы» называют одним из наиболее влиятельных произведений XX в. Регулярно появляются книги и статьи о немецком философе,

в частности о его макроисторической концепции. Однако многие современные исследователи до сих пор рассматривают концепцию Шпенглера как устаревшую систему, воспринимая автора преимущественно как маргинальную фигуру. Особый интерес вызывает возрождение мыслей О. Шпенглера в новом междисциплинарном направлении историко-социальных и глобальных исследований – глобальной истории. Беспрецедентный интерес к персоне и творчеству философа, неоднозначный статус его работ, а также корреляция его концепции с перспективным направлением исследований обуславливают актуальность темы данной статьи. Целью настоящего исследования является раскрытие, а также обоснование актуализации концепции морфологии мировой истории (*world history*) в рамках глобальной истории. Для достижения цели поставлены следующие задачи: реконструкция концепции морфологии мировой истории с учетом основных смысловых акцентаций, неординарного стиля изложения и дивергенции в ее оценках, выявление феномена шпенглеровского ренессанса, раскрытие и представление смыслового содержания понятия «глобальная история», в том числе основных концептуальных и методологических аспектов, а также выявление методологической корреляции между концепцией Шпенглера и глобальной историей через демонстрацию актуализации концепции в рамках нового направления.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования можно условно разделить на три основные категории. В первую входят наиболее значимые академические публикации, посвященные творчеству О. Шпенглера: труд американского профессора Х. С. Хьюза «Освальд Шпенглер: критическая оценка» («Oswald Spengler: a critical estimate») [3], произведение американского исследователя Дж. Фарренкопфа «Пророк упадка: Шпенглер о мировой истории и политике» («Prophet of decline: Spengler on world history and politics») [4], книга доктора философских наук Т. Г. Румянцевой «Освальд Шпенглер» [5], работа доктора политических наук В. В. Афанасьева «Социология политики Освальда Шпенглера» [6] и т. д. Вторая категория включает в себя новые труды о немецком мыслителе: книга, подготовленная на основе докторской диссертации британского исследователя Б. Льюиса «Освальд Шпенглер и политика упадка» («Oswald Spengler and the politics of decline») [7], выпуск журнала «Философский журнал о конфликтах и насилии» («Philosophical Journal of Conflict and Violence»), посвященный О. Шпенглеру [8], статья бразильско-

го историка Д. Перейра «“Темный корень” глобальной истории: вклад Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби» [9] и т. д. Третья категория представлена современной литературой о глобальной истории: книга профессора С. Конрада «Что такое глобальная история?» («What is global history?») [10; 11], одноименная работа американского профессора П. Кроссли [12], сборник статей «Перспективы глобальной истории» («The prospects of global history») [13], монография историка И. Н. Ионова «Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание» [14], статья Л. Г. Зимовец «Шпенглер о смысле истории» [15] и т. д.

В качестве основных методов исследования выступают историко-философская реконструкция, позволяющая раскрыть содержание и предпосылки популярности и неоднозначного статуса концепции; описание, применяемое для иллюстрации дивергенции в оценках концепции и раскрытия понятия глобальной истории; компаративный анализ, способствующий выявлению общих концептуальных и методологических признаков макроисторической концепции Шпенглера и глобальной истории.

Результаты и их обсуждение

Работа О. Шпенглера появилась в очень тяжелый для Европы, и особенно Германии, момент. Агадир-

ский кризис, наступивший в 1911 г., стал одним из серии кризисов, которые в итоге привели к Первой

мировой войне. В это время еще никому не известный немецкий мыслитель планировал написать очерк о современной политической ситуации. Размышляя над будущей работой, он почувствовал необходимость обратиться к более широким горизонтам: «Наконец мне стало совершенно ясным, что ни один отдельный отрывок нельзя осветить с должной полнотой, пока не будет обнаружена тайна мировой истории вообще, точнее говоря, тайна истории высшего человечества как органического единства, обладающего определенной структурой» [1, с. 66]. В 1918 г. появился первый том труда «Закат Европы». Через несколько недель книгу начали раскупать, и постепенно она становилась обсуждаемой темой как в кругах широкой публики, так и в среде интеллигенции. Второй том вышел в печать в 1922 г.

В двухтомном произведении «Закат Европы» представлена концепция морфологии мировой истории Шпенглера. В нем центральное место занимает понятие истории, сущность которого раскрывается через ее противопоставление феномену природы, «а они есть два крайних, противоположных способа приводить действительность в систему картины мира» [1, с. 145]. На основе такого противопоставления автор построил ключевые категории и положения концепции. История есть становление, жизнь, а природа – это ставшее. Первое является органическим представлением о мире, совокупностью образов, понимаемых через созерцание. Второе есть механическое представление о мире, система законов, понимаемых через познание. Эти два мирообразования – природа и история – считаются «двумя полюсами целой скалы бесчисленных индивидуальных “миров”» [1, с. 174]. Будучи противоположностями, они существуют в диалектическом единстве: «...нет точной границы, разделяющей два вида восприятия мира. Насколько противоположны становление и ставшее, настолько же неизбежно их совместное присутствие в каждом акте переживания» [1, с. 148]. Различные способы понимания мира О. Шпенглер именовал морфологией. Он выделял морфологию механического и протяженного, которая открывает и приводит «в систему законы природы и причинные связи» [1, с. 153], называемую систематикой, и морфологию органического, истории, жизни и «всего того, что подчинено направлению и судьбе» [1, с. 153], именуемую физиогномикой. Первая базируется на необходимости причины и действия, вторая – на необходимости судьбы. Кроме того, физиогномика является «фактом глубочайшей внутренней достоверности, который направляет мифологическое, религиозное и художественное мышление и составляет ядро и суть всей истории в противоположность природе» [1, с. 9]. Согласно О. Шпенглеру физиогномика – ранее не применявшийся подлинный способ исторического исследования. «Вживание, наблюдение, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия»

есть средства исторического исследования [1, с. 34]. Основным своим методом О. Шпенглер провозглашал сравнительную морфологию мировой истории, позволяющую раскрыть всемирно-исторические процессы. Немецкий мыслитель нюансировал данный метод, проводя черту различия между аналогией и гомологией: «Биология называет гомологией органов морфологическую равноценность, в противоположность аналогии органов, обозначающей равноценность функций» [1, с. 167]. Исторический метод Шпенглера предполагает именно гомологичность, т. е. стремление к обнаружению сходства формы и структуры.

Согласно немецкому философу культура похожа на живой организм, ее история морфологически сравнима с историей человека, животного или растения. Ее существование заключено в цикл жизни: зарождение, развитие, расцвет и неизбежный упадок. Культура появляется тогда, «когда из первобытно-душевного состояния вечно детского человечества пробуждается и выделяется великая душа» [1, с. 161]. Душа – это внутренняя жизнь и возможность культуры, которая, осуществляясь, делает «доступными восприятию пространственных и осязаемых ее выражений... поступки и настроения, религии и государство, искусство и науки, народы и города, экономические и общественные формы, языки, право, обычаи, характеры, черты лица и одежды» [1, с. 86]. Экономическим основанием культуры в период ее расцвета является сельская жизнь, духовно-мировоззренческое воплощается в богатом мифологическом воображении в виде эпосов и легенд, которые в дальнейшем будут развиты в философской и научной формах. По мере становления культура обретает свойственный только ей прасимвол, он «определяет ее стиль и уклад ее истории, представляющий собой развивающееся экстенсивное осуществление ее интенсивных возможностей» [1, с. 251]. Прасимвол обуславливает физиогномию культуры, «весь язык форм [ее] существования» [1, с. 251], при этом он неосуществим и недоступен определению, представляя собой что-то вроде идеала формы, лежащего в основе отдельных символов культуры. Таким образом, существует единый стиль, прасимвол, являющийся базой всего внешнего разнообразия культуры. В процессе развития в культуре наступает этап непринятия мифологического и религиозного, когда молодой и энергичный городской интеллект отодвигает религию на задний план и отдает приоритет научной форме сознания. Достигая зенита своего развития, культура доводит эту форму сознания до предела, одновременно наблюдается упадок религии и обеднение внутренней жизни человека. Рационализм и просвещение – вот яркие черты ее зрелости. Далее наступает период упадка: «Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает,

ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится цивилизацией» [1, с. 162]. Данный этап является финальным, знаменующим ее смерть. Как любой живой организм культура ограничена определенным сроком существования, ее жизненный цикл длится примерно одну тысячу лет. История культуры определяется согласно уникальной судьбе, которая есть необходимость жизни. «В идее судьбы открывается взыскание душой мира, ее желание света, возвышения, завершения и осуществления ее назначения» [1, с. 174]. О. Шпенглер выделил восемь существующих великих культур (китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную (западную), арабскую (магическую), западную (фаустовскую), культуру майя) и одну «пробуждающуюся» культуру (русскую). Культуры-организмы проходят неизбежный цикл жизни, который, как и в случае с человеческой жизнью, определяется уникальной судьбой. Культуры могут сосуществовать, соприкасаться, подавлять друг друга, однако при этом являются дискретными и автохтонными. Подлинной преемственности между ними нет. Историческое свершение культур лишено смысла, история в конечном итоге бессмысленна.

О. Шпенглер предложил циклическую модель исторического процесса, отвергающую линейно-прогрессистский и европоцентристский подходы. Философ отрицал существование единой человеческой истории, при этом прибегал к понятиям «всеобщая история» и «общая картина истории», понимая под ними все разнообразие культурных организмов, несмотря на их дискретность и взаимонепроницаемость, в рамках некоего сверхвременного единства [15]. Культуры морфологически схожи между собой. Это подобие позволяет историку освободиться от прежних случайностей и предвзятости в понимании истории, обусловленных его местонахождением. В этом состоит метод Шпенглера, именуемый сравнительной морфологией мировой истории. Немецкий мыслитель стремился «освободить историю от личных предрассудков наблюдателя» [1, с. 144]. Тем самым он считал, что совершает коперниканский переворот, заключающийся в освобождении всемирной истории от гнета и предвзятости европоцентризма и прогрессизма по отношению к историческим траекториям остальных культур. В качестве примера устаревшей птоломеевской системы философ приводил общепринятую даже в настоящее время периодизацию Древний мир – Средние века – Новое время. Согласно автору она демонстрирует «голос несдерживаемого никаким скепсисом тщеславия западноевропейского человека, в уме которого развертывается фантом “всемирная история”» [1, с. 21–22].

О. Шпенглер надеялся на то, что с помощью его метода человек сможет угадывать физиогномический такт культуры, который позволяет не только

реконструировать прошлое, но и предвосхищать вероятное будущее. Применяя морфологический метод в отношении собственной культуры, немецкий мыслитель выдвинул в двухтомном труде один из ключевых тезисов о ее неминуемом закате. Он искусно аргументировал свою точку зрения, проводя параллели с уже исчезнувшей античной культурой. На основе данного сравнения О. Шпенглер описывал вероятное будущее европейской цивилизации. Он обозначал примерные временные рамки цивилизационной стадии западной культуры. Наступление ее финальной (третьей) стадии О. Шпенглер прогнозировал после 2200 г. [1, с. 80]. Следует отметить, что уже многие предсказания О. Шпенглера действительно сбылись: мировые войны, экологические катастрофы, безудержно разрастающиеся гигантские города, все более агрессивные заявляющие о себе расовые конфликты, стремительный упадок культурных норм и т. д.

Труд «Закат Европы» привлекает внимание не только оригинальностью мысли и реальной прогностикой, но и внешней формой изложения. Стиль О. Шпенглера является своеобразным сочетанием научного и художественного. С одной стороны, автор облакает свои мысли в метафорическую и образную формы, характеризующиеся эстетичностью и экспрессивностью. Многозначность и неточность художественного стиля придает гибкости в интерпретации идей концепции. С другой стороны, в работе присутствуют признаки научности: О. Шпенглер стремился обозначить методологические особенности, выделить компоненты исследования (цели, задачи, объект) и определить категориальный аппарат, он добавил таблицы и схемы, призванные систематизировать содержание. Одной из ключевых интенций автора было изложение определенного философского взгляда на исторический процесс, обусловленного новым историческим методом и новой системой знаний. В основу этого взгляда заложен коперниканский переворот, в рамках которого человек осознает «инфицированность» знания, в частности исторического, европоцентризмом. К сожалению, в силу метафизичности и эклектизма рассматриваемого произведения воплотить данное намерение в полной мере не удалось. Согласно многим критикам О. Шпенглера двухтомное издание обладает уязвимым характером, что частично обусловлено спецификой художественного стиля: многие категории оказались лишены точных определений, обладая лишь контекстуальным описанием, а методологические позиции содержат неточности и противоречия, как и некоторые концептуальные элементы. Содержание книги, выраженное зачастую в художественной форме, в то же время фундировано в научных интенциях, призванных убедительно и доказательно обосновать концепцию всемирной истории. Своеобразное стилистическое решение немецкий мыслитель, вероятно,

считал необходимостью: «Однако следует твердо помнить: всякая попытка научно трактовать историю по самой сути дела содержит в себе долю противоречия, поэтому всякое прагматическое историческое описание, как бы высоко оно ни стояло, есть компромисс»; «...история требует поэтического творчества» [1, с. 147]. Рассуждая об основных категориях своей работы, О. Шпенглер отмечал, что «все эти положения лежат в значительной своей части вне пределов доступного истолкованию путем понятий, определений и доказательств и что глубочайший их смысл должен быть раскрыт главным образом путем прочувствования, переживания, созерцания» [1, с. 86]. Необычное диалектическое сочетание художественного и научного стилей соответствует интенции автора отказаться от умерщвляющих форм естественно-научного познания. Несмотря на все недостатки произведения «Закат Европы», немецкий мыслитель все же смог вполне ярко и убедительно обозначить некоторые фундаментальные философско-методологические основания и аспекты, которые сегодня остаются весьма актуальными и социально востребованными.

Совокупность таких факторов, как время появления рассматриваемого труда, содержание и смысл концепции и необычный стиль, обеспечила высокий уровень популярности работы и ее неоднозначный статус. В кругах широкой читающей общественности она получила высокую оценку, а академический мир отнесся к ней преимущественно негативно. В ответ на произведение О. Шпенглера начали появляться труды, которые условно можно разделить на две группы: академическую критику с точки зрения различных дисциплин, пытающуюся указать на несостоятельность концепции, и работы дилетантов и энтузиастов (хвалебные, наивные, эмоциональные). Все, кто писал об О. Шпенглере, сходились лишь в одном: книга «Закат Европы» представляет высокую художественную ценность. Немецкий писатель Т. Манн назвал эту работу литературным великолепием. Однако содержание концепции критиковали. Немецкий философ Т. В. Адорно в своем эссе об О. Шпенглере резюмировал отношение академических кругов к нему следующим образом: «Философы упрекали его в поверхностности, а специалисты – в некомпетентности и шарлатанстве»¹ (цит. по [3, р. 90]). Книгу также критиковали за низкий уровень оригинальности, утверждая, что основные идеи О. Шпенглера уже ранее представлялись другими мыслителями. Итальянский философ Б. Кроче назвал произведение «Закат Европы» повторением того, что было написано два столетия тому назад Дж. Вико [3, р. 94]. Другие критиковали ее за то, что автор лишь умело играл на чувствах своих сограждан. По мнению французского историка Л. Февра, труд О. Шпенглера передает то, что многие хотели:

пафос, детерминированный антиинтеллектуализм и героическое представление о судьбе [3, р. 95]. Казалось бы, в интеллектуальных кругах сформировалось однозначное мнение о концепции немецкого мыслителя. Однако ряд исследователей отмечали, что значительная часть критики носит весьма узкий и ограниченный характер [4, р. 102]. Они либо затрагивали отдельные фрагменты работы, которые касались их предметной области, либо рассматривали более общие идеи с точки зрения «здорового оптимизма», присущего тому времени [3, р. 91]. Т. В. Адорно описал данное явление следующим образом: «...педантичность в деталях, словоохотливый конформистский оптимизм в идее и довольно часто невольная податливость в заверениях, что в итоге не все еще так плохо с нашей культурой, либо софистические приемы подрыва релятивистской позиции Шпенглера путем преувеличения его собственного релятивизма – вот все, что немецкая философия и наука могли противопоставить человеку, который обличал их, как сержант-майор обличает новичка» [16, р. 306]. Немецкий философ М. Шретер и немецкий историк Э. Мейер, высказались, что выявление погрешностей в деталях концепции истории Шпенглера не дает достаточного основания для опровержения «великих фундаментальных идей» автора [4, р. 103]. Немецкий философ Г. Зиммель назвал работу «важнейшей философией истории со времен Гегеля» (цит. по [4, р. 101]).

После смерти О. Шпенглера ярко выраженный интерес к его творчеству пропал, однако на протяжении столетия дискуссии продолжались, пусть и носили более умеренный характер. За это время появились работы, посвященные немецкому философу, которые отразили итоги по прошествию времени с момента выхода в свет неоднозначного труда автора. В 1952 г. появилось одно из первых весомых академических произведений профессора Х. С. Хьюза «Освальд Шпенглер: критическая оценка» [3]. В нем автор представил обстоятельный анализ и критику концепции мыслителя, но резюмировал, что «...на самом деле суть интерпретации О. Шпенглера остается непроверяемой. В ходе окончательного испытания мы обнаружим, что автор “Заката Европы” может совершенно неожиданным образом отомстить своим критикам и конкурентам» [3, р. 159]. В 1977 г. появляется академическая работа немецкого историка К. П. Фишера «История и пророчество: Освальд Шпенглер и “Закат Европы”» («History and prophecy: Oswald Spengler and “The decline of the West”») [17]. Автор не только отмечал состоятельность предсказаний О. Шпенглера, но также подчеркивал, что немецкий философ стал первопроходцем в сравнительном изучении культур, основываясь на биологическом принципе. В 2001 г. появилась книга американского исследователя Дж. Фарренкопфа [4]. Он представил

¹Здесь и далее перевод наш. – Я. Я.

обзор макроисторической и политической мысли О. Шпенглера, сопоставляя ее с современными событиями, свершающимися на рубеже нового века. Дж. Фарренкопф определил концепцию Шпенглера как актуальную и обладающую высоким объяснительным потенциалом. Особое внимание политической мысли немецкого философа уделено в книге британского исследователя Б. Льюиса [7], основанной на его докторской диссертации. В ней актуализируется политическая мысль немецкого философа, автор продемонстрировал то, насколько О. Шпенглер был сведущ в реальной политике (*realpolitik*) и способен своевременно определить наиболее насущные вопросы своего времени и ответить на них. Б. Льюис назвал труд «Закат Европы» одной из наиболее влиятельных книг XX в. [7]. В русскоязычной среде в связи с отрицательным отношением к персоналии и творчеству О. Шпенглера по идеологическим причинам работы, более взвешенно рассматривающие его труды, стали появляться в конце существования или после распада Советского Союза [5; 6; 18], за исключением сборника статей «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”» [19]. Следует отметить, что в настоящем исследовании названы лишь основные академические работы. Перечисление огромного количества статей, заметок и отдельных глав книг, посвященных О. Шпенглеру, увеличило бы объем данной статьи. Во многих материалах можно найти весьма критические высказывания, схожие с первичным приемом концепции немецкого философа, однако неутихающий интерес к его творчеству свидетельствует об актуальности и неисчерпаемости его концепции. Более того, ее воплотившийся отчасти прогностический потенциал способствует дальнейшему продвижению в различных кругах. Подводя итог оценке восприятия творчества немецкого мыслителя, можно привести слова историка и главы объединения «Общество Освальда Шпенглера» (*The Oswald Spengler Society*) Д. Энгельса: «Консенсус по поводу того, какое место Шпенглер может или должен занимать в нашем стремлении понять историю, еще не достигнут, и хотя нынешняя дискуссия об упадке Запада становится все более оживленной, она также характеризуется рядом все еще несколько монолитных методологических подходов, не желающих идти на контакт и смягчать свои позиции» [20, р. 15].

Когда произведение «Закат Европы» только появилось, безапелляционность и высокая эрудированность автора в изложении своей концепции в сочетании с эклектичностью и превосходным художественным стилем вызвали интерес у широкой публики. Значительным фактором, во многом способствующим высокому уровню популярности произведения, стали турбулентные социокультурные и политико-экономические условия того времени. Несмотря на то что концепция Шпенглера была изначально отвергнута академическими кру-

гами, занимая маргинальную позицию в гуманитарном знании, на протяжении XX в. продолжались умеренные дискуссии вокруг этой концепции, постепенно меняющие отношение к мыслителю. С начала XXI в. популярность творчества О. Шпенглера начала возрастать, что во многом обусловлено современными социально-культурными, геополитическими и экономическими метаморфозами, обретающими на протяжении последних десятилетий отрицательный характер. Во многом обнаруживается сходство текущей мировой ситуации с теми обстоятельствами, которые сложились к моменту выхода книги «Закат Европы». Столетие спустя концепция морфологии мировой истории Шпенглера возрождается с былой силой, в этот раз захватывая умы многих представителей интеллектуальных кругов. Регулярно появляются новые материалы о немецком мыслителе и его наследии. За последние несколько лет опубликован ряд академических работ, включая ранее упомянутую докторскую диссертацию. С 2017 г. по настоящее время активно проводит свою деятельность объединение «Общество Освальда Шпенглера», заключающуюся в изучении работ немецкого философа и исследовании мировой истории. Журнал «Философский журнал о конфликте и насилии» посвятил номер О. Шпенглеру и его главному тезису о закате Европы в 2022 г. [8]. Во вступительном слове выпуска журнала философ Г. М. Свер отмечал, что в академических кругах общепринято рассматривать О. Шпенглера как маргинальную фигуру, считая, что это автор, «которого больше не стоит читать, так как то небольшое, что можно было сказать о его работах, уже было сказано» [8, р. II]. Однако такая точка зрения игнорирует тот факт, что все это время изучение работ О. Шпенглера и их влияние непрерывно возрастают. Более того, в предисловии отмечается стремительно возрастающее количество исследований, посвященных данной теме. Концепцию Шпенглера «сложно принять и невозможно игнорировать» [8, р. III]. Профессор Д. Энгельс, один из основателей названного общества, упомянул, что «в последнее время [произошло] нечто вроде возрождения О. Шпенглера, свидетельством чему служит постоянно растущее количество исследований и конференций» [20, р. 15]. Повышенное внимание к творчеству и личности немецкого мыслителя позволяет говорить о феномене шпенглеровского ренессанса. Его творчество условно разделяется на две основные области интересов, тесно связанные между собой, – политику и философию истории. Феномен ренессанса О. Шпенглера в полной мере отражает эти тематические приоритеты. С одной стороны, немецкий мыслитель вновь обретает актуальность как идеолог так называемой культурной войны, разворачивающейся в западных странах. Его причисляют к традиционным авторам новых правых – реакционеров, отзывающихся на резкие социокультурные перемены,

которые наблюдаются в западных странах, возглавляющих «консервативную революцию» [20–22]. С другой стороны, О. Шпенглер обретает актуальность в качестве мыслителя, внесшего вклад в одну из наиболее востребованных форм историко-социальных исследований – глобальную историю. В настоящей статье приоритет отдан актуализации шпенглеровской мысли именно в рамках данного направления.

Во второй половине XX в. происходит масштабный поворот, который был обусловлен процессами глобализации и способствовал появлению новых направлений исследования во всех областях знаний. Таким направлением в социогуманитарном блоке считается глобальная история, которая в начале XXI в. стала «полем широких междисциплинарных исследований, включающих в себя философскую, социологическую, экономическую, антропологическую проблематику» [23, с. 68]. Данное направление является одним из наиболее быстро развивающихся в США и ряде других англоговорящих стран, более того, оно становится популярно в европейских и азиатских странах. Количество журналов, курсов и мероприятий, посвященных данной теме, неустанно растет [10]. Несмотря на впечатляющий объем материалов, представления о глобальной истории существенно варьируются. Неудивительно, что понятие глобальной истории характеризуется амбивалентностью и полисемантической, обладая весьма широким интерпретационным полем. Нередко в работах, где рассматривается упомянутый феномен, предлагается либо его контекстуальное определение в виде реферативной сборки с отсылками к различным авторам, либо его обобщенное определение, дающее весьма расплывчатое представление о содержании. В труде «Что такое глобальная история?» профессор С. Конрад трактовал глобальную историю как «форму исторического анализа, при котором явления, события и процессы рассматриваются в глобальных контекстах» [11, с. 22]. Отмечая теоретическое разнообразие, которое скрывается под термином «глобальная история», С. Конрад предложил три подхода к пониманию данного направления: глобальная история как история всего, как история связей и как история, основанная на понятии интеграции [11, с. 23]. В книге профессора П. Кроссли глобальная история в общих чертах характеризуется как «любая история, принимающая широкую, масштабную или универсальную перспективу» [12, р. 106]. Профессор А. Станциани в произведении «Европоцентризм и политика глобальной истории» («Eurocentrism and the politics of global history») представил обобщенное понимание глобальной истории как включающей в себя все исторические подходы, не сфокусированные на конкретном культурном регионе или определенной стране, от универсальной истории до компаративной и связанной истории (*connected history*) [24, р. 6].

Терминологическое разнообразие, которое окружает рассматриваемый феномен, дополнительно осложняет попытки его осмысления. В различных дискурсах фигурируют понятия мировой, универсальной, всеобщей и всемирной истории среди прочих, которые могут как синонимизироваться, так и дифференцироваться в зависимости от контекста. В русскоговорящей среде данные термины разграничиваются реже. Они могут использоваться в качестве взаимозаменяемых или очень близких по смыслу к понятию глобальной истории [25; 26]. При этом следует отметить, что существуют отдельные работы, представляющие внушительный реферативный материал о разнообразии трактовок глобальной истории и ее терминологических «родственников» [14; 27]. Однако в англоязычной среде материалов, посвященных данной теме, больше. Пожалуй, наиболее часто встречаемым является различие между мировой историей и глобальной историей. В англоязычной среде мировая история ассоциируется с работами профессора У. Макнилла. Он внес значительный вклад в изменение исследовательских тенденций в историографии, формируя так называемый подход мировой истории (*world history approach*), который предполагал осмысление определенного историко-культурного субъекта с учетом глобального контекста, делая концептуальный упор на взаимодействии, связях и взаимном влиянии как основных факторах исторического процесса. Вскоре после появления работы У. Макнилла «Восхождение Запада: история человеческого сообщества» («The rise of the West») в учреждениях высшего образования США курсы о западной цивилизации обновились и были переименованы в курсы по мировой истории. Однако критики отмечали, что новое направление в итоге продолжало линию европоцентризма, вводя глобальный контекст в историографические исследования для обоснования превосходства Запада над остальным миром, который являлся лишь фоном для описания свершения западной цивилизации [28]. Критические высказывания способствовали эволюции мировой истории в ее современную форму – глобальную историю. Один из основателей американской школы глобальной истории профессор Б. Мазлиш среди ключевых отличий между мировой и глобальной историей отмечал более широкое поле исследований и ярко выраженную междисциплинарность последней. В качестве существенных признаков глобальной истории он выделил новую перспективу исследований, предполагающую «взгляд с космоса» (будто бы мы «находимся за пределами нашей планеты и наблюдаем “космический корабль “Земля”» [29, р. 389]), а также фокус на истории глобализации. Таким образом, мировая история часто рассматривается как предшествующая форма глобальной истории [10; 29]. Продолжая цепочку терминологической преемственности, можно

отметить понятия универсальной, всеобщей или всемирной истории как предшественниц понятия мировой истории [14; 24]. В отличие от последней универсальная история может быть охарактеризована как история, проявляющая более ярко выраженные черты того или иного центризма. Нередко термин «мировая история» также могут использовать в качестве синонима термина «универсальная история». Следует отметить, что приведенная схема дифференциации носит условный характер ввиду многообразия интерпретаций.

Представления о генезисе, целях, задачах и объекте глобальной истории существенно варьируются. Одни ученые связывают возникновение глобальной истории с древними мыслителями, такими как Геродот, усматривая в первых попытках создания всеобщей истории человечества ее прародителя [27; 30; 31], а другие исследователи – с французской школой «Анналов», в частности с Ф. Броделем, и американским профессором У. Макниллом. Оба автора предложили глобальные объяснительные схемы исторического процесса, стремясь выйти за рамки общепринятых национальных нарративов и центризмов. Более того, они выдвинули новые концептуально-методологические акцентации видения исторического процесса: Ф. Бродель представил категории исторических длительностей, в частности «лонг дюре», и предложил социоприродное пространство в качестве значительного культурного фактора, в то время как У. Макнилл обосновал существование взаимозависимостей между различными историческими субъектами для понимания исторического процесса. При всем терминологическом и интерпретационном разнообразии общепризнанным является то, что возникшая в 1980–90-х гг. форма глобальной истории отличается от всех предшествующих: «старой» глобальной, мировой, универсальной, всеобщей и всемирной истории [13; 14; 31].

В отношении объекта исследования глобальной истории на первый взгляд существует меньшая степень вариативности его понимания. Обобщая и упрощая различные подходы, глобальная история [10; 12; 13] (либо глобализация [13; 31; 32]) часто заявляется в качестве основного объекта. Однако под объектом глобальной истории могут мыслиться прошлое (отдельные эпизоды, субъекты, явления, проблемы) в контексте глобального масштаба [13], история человечества, а также «история глобальной истории», подразумевающая «историю написания истории» с учетом связей между различными историческими субъектами или историю «глобального мышления» [24, р. 15]. Выдвижение глобализации в качестве объекта исследования также обусловлено разногласием. Например, точно так же, как и с глобальной историей, при определении понятия глобализации возникают разные интерпретации ее временных рамок. Б. Мазлиш, обращая внимание

на различное понимание исторической длительности глобализации, предложил термин «новая глобализация», который охватывает мировые процессы, начавшиеся после Второй мировой войны. Соответственно, основным объектом исследования новой формы глобальной истории является глобализация понимания именно в данной исторической длительности [31].

Во время становления современной формы глобальной истории в конце XX в. в качестве цели декларировалось осмысление «предпосылок и возможных путей универсализации экономических, политических, социальных и культурных процессов, идущих в современном мире», а также изучение прошлого как единого целого [25, с. 5]. Называлась цель о конструировании космополитного метанарратива о нашем общем наследии. Британский профессор П. О'Брайен, предлагая данную цель, подчеркивал, что задачи глобальной истории соотносятся «не с надуманными претензиями на научную объективность и личную беспристрастность, а с моральными целями, связанными с потребностями глобализирующегося мира» [30, р. 38]. Одновременно появлялась критика в отношении данных намерений, провозглашавшая глобальную историю такого вида проявлением неоимпериализма и неокOLONиализма [14; 28]. Обобщая интенции многих исследователей, в качестве главной задачи можно отметить преодоление различными способами устаревших философско-методологических аспектов историко-социального знания. На практике историки-глобалисты ставят перед собой такие задачи, как интерпретация локального и универсального, исследование «глобальной взаимосвязанности» и «сетей», осуществление «сравнительного подхода нового типа», представляющего собой встраивание «локальных историй в глобальный контекст» с помощью раскрытия структурной логики «сходных явлений, процессов и социальных конфликтов, отдаленных в пространстве и во времени» [27, с. 204–205]. Основной целью оказывается попытка конструирования непредвзятого взгляда на прошлое, учитывающего былые методологические и эпистемологические ошибки. При этом глобальная история предполагает междисциплинарный (и в некоторых случаях трансдисциплинарный) синтез, потенциально способный «изменить саму организацию и институциональный порядок знаний» [11, с. 21], а также сформировать новое историческое сознание [14].

При рассмотрении всего разнообразия концептуальных и методологических аспектов глобальной истории представляется возможным выделить некоторые общепринятые и наиболее существенные из них. В качестве основы глобальной истории может выступать отказ от любого рода центризмов, в частности европоцентризма, национальных нарративов, телеологичности и прогрессизма, стремясь к «деколонизации ментальности». Как следствие

приверженцы нового направления нередко либо предлагают полностью отказаться от метанарративов, либо стремятся создать непредвзятый космополитный метанарратив. Общепринятые ранее пространственные и временные представления становятся неактуальными, они рассматриваются как ограничения, являющиеся проявлением высокомерия национального нарратива [10; 13; 14]. Традиционные временные рамки и периодизации оказываются открыты для реинтерпретаций и изменений. Так, привычная периодизация Древний мир – Средние века – Новое и Новейшее время признана ограниченной и европоцентристской. Выдвигаются альтернативные понятия пространства, вследствие чего исследователи глобальной истории «обычно не выбирают в качестве отправных точек политические или культурные единицы – национальные государства, империи и цивилизации, – а вместо этого ставят аналитические вопросы и продвигаются в ту сторону, куда эти вопросы их поведут: например, через Бенгальский залив к узловым точкам в торговой сети, к религиозным и этническим диаспорам и так далее» [11, с. 91].

Еще одной яркой чертой глобальной истории является ее междисциплинарный и в некоторых трактовках трансдисциплинарный характер [14; 27]. Существуют работы, которые рассматривают глобальную историю в рамках определенных дисциплин, например исторической социологии [12] или историографии [13]. Однако в таких случаях все же отмечается необходимость во взаимодействии с другими дисциплинами для дальнейшего развития направления. Трансдисциплинарность и междисциплинарность глобальной истории не ограничены социогуманитарным блоком знаний. Одной из особенностей глобальной истории является ее взаимодействие с естественно-научными (биология, геология, ботаника и т. д.) и общенаучными (синергетика, клиодинамика и т. д.) направлениями. Некоторые исследователи видят потенциал глобальной истории в диалоге с глобальным эволюционизмом. Как следствие, глобальная история отличается плюральностью подходов и методов [13].

Во многих материалах по глобальной истории также акцентируется внимание на «позиционированности» исследователя. «Историки могут писать обо всей планете, но сами они находятся в определенном месте, и их нарративы всегда будут хотя бы отчасти окрашены тем, что там происходило и происходит» [11, с. 94].

Рассматривая предмет глобальной истории, следует отметить, насколько непростой задачей является репрезентативное обобщение всего обширного пласта знаний, связанного с новоформирующимся направлением. Глобальная история – своеобразный собирательный образ интеллектуальных устремлений к осмыслению и развитию различных научных областей. Историки-глобалисты стремятся к пре-

одолению критики и сложностей, с которыми они столкнулись в условиях быстро меняющегося мира, где наука совершает переход на новый тип рациональности – постнеклассический. Глобальная история оказывается междисциплинарным и в некоторых интерпретациях трансдисциплинарным синтезом на стыке историографии, исторической социологии и философии истории, при этом синтезом, инкорпорирующим знания из различных социогуманитарных, общенаучных и естественно-научных дисциплин. Данное направление характеризуется плюрализмом подходов и перспектив, акцентацией аксиологического аспекта, осознанием позиционированности или значимости роли субъекта, исследующего и конструирующего знания о прошлом, эпистемологическим и методологическим освобождением от центризмов и телеологичности, национальных нарративов и прогрессизма.

Учитывая все разнообразие интерпретаций глобальной истории, можно сказать, что это направление находится лишь на стадии своего концептуального и методологического становления. Однако уже на данном этапе очевидна определенная методологическая корреляция с концепцией Шпенглера. Несмотря на спорность и академическую недостоверность в деталях концепции морфологии мировой истории, многие ее философско-методологические аспекты остались актуальными, воплотившись в формирующейся сегодня глобальной истории. Еще в начале XX в. О. Шпенглер указал на ограниченность и несостоятельность европоцентристских и национальных подходов, формируя представления о культурном релятивизме и множественности историй. Он отказался от телеологических представлений об историческом развитии, отвергая прогрессизм и линейный подход. Как следствие, он отказывался и от пространственных, и от временных общепринятых представлений. Немецкий философ отмечал фундаментальную силу культуры, зависимость человека от нее, тем самым утверждая почти неизбежную позиционированность исследователя. Он также критиковал компартиментализацию научного знания, продвигал отказ от инертности и академической фрагментации, предвосхищая тенденции еще не возникшей постнеклассической науки. Данные положения заключают в себе смысловое содержание исторического метода и коперниканского переворота О. Шпенглера, предложенных им в книге «Закат Европы». Они же во многом выражают квинтэссенцию формирующейся современной глобальной истории. «Освободить историю от личных предрассудков наблюдателя, склонного в нашем случае сделать ее историей какого-то отрывка прошлого, поставив последнему целью утвердившуюся в Западной Европе случайную современность и подчинив его моментальным общественным идеалам и интересам в качестве мерил ценности всего достигнутого или достижимого, освободить историю

от всего этого – вот цель последующего изложения» [1, с. 144]. Данный отрывок из первого тома упомянутой книги совпадает с основными намерениями глобальной истории. Неудивительно, что О. Шпенглер часто фигурирует в работах о глобальной истории в качестве предшественника, внесшего вклад в становление нового направления [10; 12; 31].

Одним из существенных методологических отличий глобальной истории и концепции Шпенглера является стремление первой к нивелированию значимости культурного фактора в историческом процессе. Глобальная история отдает примат универсализму, в то время как немецкий мыслитель предлагал дискретное, лишенное настоящего взаимопроникновения понимание культур, придавая им основополагающее значение. Современные мировые события вынуждают вновь обратиться к данному тезису философа. Если в конце XX – начале XXI в. мысль о «глобальной деревне» и идея о формировании всеобщего исторического нарратива казалась вполне осуществимой, то события последних лет заставляют сомневаться в ее жизнеспособности. Последние десятилетия характеризуются нарастаю-

щим уровнем дезинтеграции. Тяжелые военно-политические конфликты, протестные и повстанческие движения в разных точках мира, стремительно ухудшающаяся социально-экономическая ситуация даже в наиболее развитых странах, а также формирование политико-экономических блоков, претендующих на роль альтернативных полюсов власти в потенциально многополярном мире, заставляют усомниться в возможности создания по-настоящему единого мира с гармоничным и плодотворным сохранением всего его разнообразия. Данные обстоятельства вновь актуализируют главные тезисы О. Шпенглера о дискретности культур и закате западной цивилизации. Неудивительно, что на протяжении последних десятилетий различные исследователи стали все чаще обращаться к творчеству О. Шпенглера. Многие исследователи, высказывая критическую оценку в отношении его концепции, все же вынуждены признать ее прогностическую силу, методологический и объяснительный потенциал. Концепция морфологии мировой истории вполне может послужить плодотворным методологическим инструментом для глобальной истории.

Заключение

В настоящей статье реконструированы основные содержательные элементы концепции морфологии мировой истории с учетом неординарного стиля изложения и дивергенции в ее оценках. Концепция Шпенглера является своеобразной интерпретацией мировой истории, основанной на циклическом и органицистском представлении о развитии основных субъектов исторического процесса – культур. В рамках этой концепции культуры являются дискретными, автохтонными образованиями, ограниченными в своем проявлении уникальными прасимволами, которые предопределяют их смыслодержание и становление. Концепция характеризуется антицентристскими и антипрогрессистскими взглядами. О. Шпенглер претендует на методологическую новацию, указывая на релятивность социогуманитарного знания. Преимущественно отрицательная оценка работы в академических и исследовательских кругах со временем менялась в положительную сторону. Несмотря на антиакадемизм, метафизичность, неточность и недостоверность деталей, концепция продолжает обладать прогностическим, методологическим и объяснительным потенциалом. Об этом свидетельствует рост количества материалов, посвященных О. Шпенглеру и его концепции (либо упоминающих их) и утверждающих актуальность его работ. Возрастающий уровень популярности О. Шпенглера в XXI в. в сочетании с современными тревожными процессами во всех сферах жизнедеятельности человека, актуализирующими труды немецкого философа, позволяют говорить о воз-

никновении феномена шпенглеровского ренессанса. Одним из двух тематических направлений актуализации трудов немецкого мыслителя является глобальная история. Это новое направление историко-социальных исследований, находящееся на этапе становления. Обобщая обширный объем материалов, посвященных данной теме, с учетом вариативности и амбивалентности в ее интерпретации, глобальная история может быть рассмотрена как проект междисциплинарного синтеза, стремящийся преодолеть некоторые недостатки не только классической, но и неклассической гуманитарной науки в целях создания непредвзятой картины прошлого. В своих интенциях, а также методологических и концептуальных основаниях глобальная история в некоторых отношениях весьма схожа с концепцией морфологии мировой истории. В качестве общепринятой базы глобальной истории провозглашается ее отказ от центризмов, в частности от европоцентризма, а также от национальных нарративов. Данное положение отражает коперниканский переворот, который провозглашал О. Шпенглер век назад.

Современные мировые условия стали тем необходимым катализатором, который актуализирует очередное обращение к работам О. Шпенглера. Обсуждения, лишённые предубеждений по отношению к немецкому мыслителю и его концепции морфологии мировой истории, позволят создать условия для ее плодотворного взаимодействия с глобальной историей.

Библиографические ссылки

1. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1, Образ и действительность*. Минск: Попурри; 2021. 656 с.
2. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2, Всемирно-исторические перспективы*. Минск: Попурри; 2021. 704 с.
3. Hughes HS. *Oswald Spengler: a critical estimate*. New York: Charles Scribner; 1962. 192 p.
4. Farrenkopf J. *Prophet of decline: Spengler on world history and politics*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 2001. 328 p.
5. Румянцева ТГ. *Освальд Шпенглер*. Минск: Книжный дом; 2008. 192 с.
6. Афанасьев ВВ. *Социология политики Освальда Шпенглера*. Москва: КДУ; 2009. 192 с.
7. Lewis B. *Oswald Spengler and the politics of decline*. New York: Berghahn Books; 2022. 238 p.
8. Wilmes A. Oswald Spengler's international influence: from the decline of the West till the present day. *Philosophical Journal of Conflict and Violence* [Internet]. 2022 [cited 2023 May 15];6(2). Available from: <https://trivent-publishing.eu/home/151-pjcv-62-oswald-spengler.html>. DOI: 10.22618/TP.PJCV.20226.2.
9. Pereira D. «Dark root» of global history: contributions made by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. *Brazilian Journal of International Relations*. 2021;10(3):677–698.
10. Conrad S. *What is global history?* Princeton: Princeton University Press; 2016. 299 p.
11. Конрад С. *Что такое глобальная история?* Степанов А, переводчик; Семенов А, редактор. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 312 с.
12. Crossley P. *What is global history?* Cambridge: Polity Press; 2008. 152 p.
13. Belich J, Darwin J, Frenz M. *The prospect of global history*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 222 p.
14. Ионов ИИ. *Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание*. Москва: Аквилон; 2015. 464 с.
15. Зимовец ЛГ. Шпенглер о смысле истории. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009;6:123–131.
16. Adorno TW. Spengler today. *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941;9(2):305–325. DOI: 10.5840/zfs19419228.
17. Fisher KP. *History and prophecy: Oswald Spengler and «The decline of the West»*. Durham: Moore; 1977. 275 p.
18. Тавризян ГМ. *Освальд Шпенглер, Йохан Хейзинга: две концепции кризиса культуры*. Москва: Искусство; 1988. 272 с.
19. Степун ФА, Франк СЛ, Бердяев НА, Бушпан ЯМ. *Освальд Шпенглер и «Закат Европы»*. Москва: Берг; 1922. 95 с.
20. Engels D. Oswald Spengler and «The decline of the West». In: Sedgwick M, editor. *Key thinkers of the radical right: behind the new threat to liberal democracy*. New York: Oxford University Press; 2019. p. 3–21.
21. Rose M. *A world after liberalism: five thinkers who inspired the radical right*. New Haven: Yale University Press; 2021. 196 p.
22. Терехов ОЭ. В тени самого себя: Освальд Шпенглер и гуманитарная мысль XX столетия. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019;57:137–140. DOI: 10.17223/19988613/57/23.
23. Шестова ТЛ. Глобальная история как направление научных исследований. *Социально-гуманитарные знания*. 2011;6:68–74. EIDN: OJSRRRT.
24. Stanziani A. *Eurocentrism and the politics of global history*. Cham: Palgrave Pivot; 2018. 153 p. DOI: 10.1007/978-3-319-94740-2.
25. Чубарьян АО, редактор. *Цивилизации. Проблемы глобалистики и глобальной истории. Выпуск 5*. Москва: Наука; 2002. 239 с.
26. Копосов НЕ. *Хватит убивать кошек! Критика социальных наук*. Москва: Новое литературное обозрение; 2005. 248 с.
27. Репина ЛП. *Историческая наука на рубеже XX–XXIII вв.: социальные теории и историографическая практика*. Москва: Кругъ; 2011. 560 с.
28. Adelman J. What is global history now? *Aeon* [Internet]. 2017 [cited 2023 June 23]. Available from: <https://aeon.co/essays/is-global-history-still-possible-or-has-it-had-its-moment>.
29. Mazlish B. Comparing global history to world history. *The Journal of Interdisciplinary History*. 1998;28(3):385–395.
30. O'Brien P. Historiographical traditions and modern imperatives for the restoration of global history. *Journal of Global History*. 2006;1(1):3–39. DOI: 10.1017/S1740022806000027.
31. Mazlish B. *The new global history*. New York: Routledge; 2006. 131 p.
32. Shestova TL. Methodological foundations of global history. In: *Globalistics and globalization studies: theories, research & teaching*. Volgograd: Uchitel; 2013. p. 179–183.

References

1. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 1, Obraz i deistvitel'nost'* [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Volume 1, Form and actuality]. Minsk: Popurri; 2021. 656 p. Russian.
2. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2, Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Volume 2, Perspectives of world history]. Minsk: Popurri; 2021. 704 p. Russian.
3. Hughes HS. *Oswald Spengler: a critical estimate*. New York: Charles Scribner; 1962. 192 p.
4. Farrenkopf J. *Prophet of decline: Spengler on world history and politics*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 2001. 328 p.
5. Rumyantseva TG. *Osva'd Shpengler* [Oswald Spengler]. Minsk: Knizhnyi dom; 2008. 192 p. Russian.
6. Afanas'ev VV. *Sotsiologiya politiki Osva'da Shpenglera* [Oswald Spengler's sociology of politics]. Moscow: KDU; 2009. 192 p. Russian
7. Lewis B. *Oswald Spengler and the politics of decline*. New York: Berghahn Books; 2022. 238 p.
8. Wilmes A. Oswald Spengler's international influence: from the decline of the West till the present day. *Philosophical Journal of Conflict and Violence* [Internet]. 2022 [cited 2023 May 15];6(2). Available from: <https://trivent-publishing.eu/home/151-pjcv-62-oswald-spengler.html>. DOI: 10.22618/TP.PJCV.20226.2
9. Pereira D. «Dark root» of global history: contributions made by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. *Brazilian Journal of International Relations*. 2021;10(3):677–698.

10. Conrad S. *What is global history?* Princeton: Princeton University Press; 2016. 299 p.
11. Conrad S. *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is global history?]. Stepanov A, translator; Semenov A, editor. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 312 p. Russian.
12. Crossley P. *What is global history?* Cambridge: Polity Press; 2008. 152 p.
13. Belich J, Darwin J, Frenz M. *The prospect of global history*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 222 p.
14. Ionov IN. *Mirovaya istoriya v global'nyi vek: novoe istoricheskoe soznanie* [World history in the global age: a new historical consciousness]. Moscow: Akvilon; 2015. 464 p. Russian.
15. Zimovets LG. [Spengler on the meaning of history]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009;6:123–131. Russian.
16. Adorno TW. Spengler today. *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941;9(2):305–325. DOI: 10.5840/zfs19419228.
17. Fisher KP. *History and prophecy: Oswald Spengler and «The decline of the West»*. Durham: Moore; 1977. 275 p.
18. Tavrizyan GM. *Osva'd Shpengler, Iokhan Kheizinga: dve kontseptsii krizisa kul'tury* [Oswald Spengler, Johan Huizinga: two concepts of the crisis of culture]. Moscow: Iskustvo; 1988. 272 p. Russian.
19. Stepun FA, Frank SL, Berdyaev NA, Bukshpan YaM. *Osva'd Shpengler i «Zakat Evropy»* [Oswald Spengler and «The decline of the West»]. Moscow: Bereg; 1922. 95 p. Russian.
20. Engels D. Oswald Spengler and «The decline of the West». In: Sedgwick M, editor. *Key thinkers of the radical right: behind the new threat to liberal democracy*. New York: Oxford University Press; 2019. p. 3–21.
21. Rose M. *A world after liberalism: five thinkers who inspired the radical right*. New Haven: Yale University Press; 2021. 196 p.
22. Terekhov OE. In the shadow of himself: Oswald Spengler and the humanitarian thought of the 20th century. *Tomsk State University Journal of History*. 2019;57:137–140. Russian. DOI: 10.17223/19988613/57/23.
23. Shestova TL. [Global history as a research area]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2011;6:68–74. Russian. EDN: OJSRRT.
24. Stanziani A. *Eurocentrism and the politics of global history*. Cham: Palgrave Pivot; 2018. 153 p. DOI: 10.1007/978-3-319-94740-2.
25. Chubar'yan AO, editor. *Tsivilizatsii. Problemy globalistiki i global'noi istorii. Vypusk 5* [Civilisations. Problems of globalistics and global history. Issue 5]. Moscow: Nauka; 2002. 239 p. Russian.
26. Koposov NE. *Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk* [Stop killing cats! A critique of the social sciences]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2005. 248 p. Russian.
27. Repina LP. *History at the border of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices*. Moscow: Krug; 2011. 560 p. Russian.
28. Adelman J. What is global history now? *Aeon* [Internet]. 2017 [cited 2023 June 23]. Available from: <https://aeon.co/essays/is-global-history-still-possible-or-has-it-had-its-moment>.
29. Mazlish B. Comparing global history to world history. *The Journal of Interdisciplinary History*. 1998;28(3):385–395.
30. O'Brien P. Historiographical traditions and modern imperatives for the restoration of global history. *Journal of Global History*. 2006;1(1):3–39. DOI: 10.1017/S1740022806000027.
31. Mazlish B. *The new global history*. New York: Routledge; 2006. 131 p.
32. Shestova TL. Methodological foundations of global history. In: *Globalistics and globalization studies: theories, research & teaching*. Volgograd: Uchitel; 2013. p. 179–183.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2023.
Received by editorial board 19.10.2023.